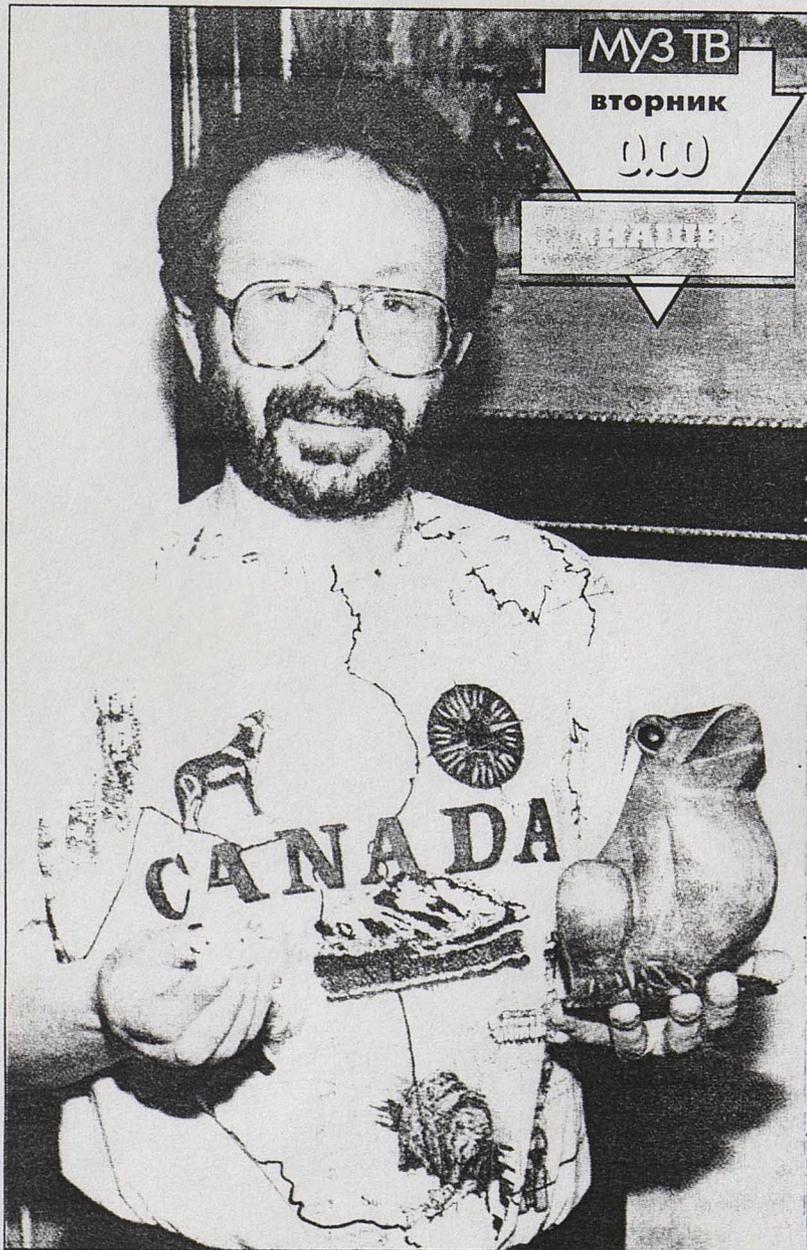

15.03.98

Маргулис Евгений

Лягушки – слабость Евгения МАРГУЛИСА.
В его коллекции уже около ста пятидесяти экземпляров

ЕВГЕНИЙ МАРГУЛИС: *Антенна* Юлия ГОНЧАРОВА 1998-9-15 марта (№8) - С.У

СЕМЬ ПЛЮС ОДИН

Он называет себя емкой персоной, потому что с 1975 года по сей день успел «набасить» в семи легендарных рок-группах: «Машине времени», «Воскресенье», «Араксе», «Лотосе», московском «Наутилусе», «СВ» и «Шанхае». Спел знаменитые «Шанхай-блюз» и «Мой друг играет блюз», басист и блюзмен, гитарный драйвер с негритянской тоской в глазах, Евгений Маргулис решил продолжить творческие изыскания в блюзе. Но уже сильно. А точнее, в новом «Шанхае», откуда и название его первого альбома: «Семь плюс один».

О «МАШИНЕ ВРЕМЕНИ»

– Даже не знаю, как охарактеризовать их стиль. Наверное, кантри. Это был первый коллектив, куда меня, совсем еще юного, взяли. Был у меня дружок, который работал тогда в Москонцерте и имел доступ к концертной аппаратуре. Напившись портвейна, он очень любил играть на флейте. И Макар разрешал ему выходить на сцену за то, что тот давал пользоваться аппаратурой. Дружок в свою очередь иногда вытаскивал меня. Однажды мы все вместе напившись портвейна, стали импровизировать. Андрею понравилось. И он пригласил меня в «Машину». Группа состояла тогда всего из двух человек: Макаревича и Сергея Кавагоз. Басиста у них не было. И вообще никого не было. Я стал третьим. Это был дикий развеселый коллектив... Но время никого не красит.

О МОСКОВСКОМ «НАУТИЛУСЕ», «АРАКСЕ» И МУЖКОМ СТРИПТИЗЕ

– После «Аракса» у меня была проблема с устройством на работу. Дело в том, что «Аракс» официально запретили за развязное поведение на концертах: на сцену я иногда выходил полуголым. Ну жарко на сцене, а я немного пьян, захотелось раз-

деться. За это мою фамилию внесли в «черные» списки, которые разослали по всем филармониям Советского Союза, что затруднило мое дальнейшее появление на советской эстраде. Тогда Сережа Кавагоз сделал свою группу под названием «Наутилус», пригласил меня, мы записали весьма милый альбомчик и даже дали два-три «подпольных» концерта в каких-то грязных ДК. Но потом, когда стали соваться в разные места, люди, услышав мою фамилию, приходили в ужас. Поэтому команда быстро и тихо умерла.

О СОЛЬНОМ ПРОЕКТЕ И НЕГРИТЯНСКОМ БЛАНКЕ

– Я как большой специалист и ученый проверяю все на «собаках». Когда сольный альбом был уже записан, я пришел к Макару показать то, что накропал. Ему понравилось, но он обиделся, что не услышал это раньше, когда мы еще работали над пластинкой. Сказал: «Можно было вместе сделать...» Нет уж, вместе мы делаем другое, а блюз я пою сам.

Мне просто захотелось спеть вещи, которые я нигде не записывал и делал их как бы для себя. Такой «аномальный» блюз для нашей страны явление абсолютно бесперспективное. Но я и не хочу международной из-

вестности, не хочу, чтобы от блюза «торчала» вся Россия. Для меня вообще загадка, как «Шанхай-блюз» и «Мой друг играет блюз» стали популярными! На самом деле блюз – негритянский блатные песни, то, что у нас называется дворовым романсом вроде: «Воровка никогда не станет прачкой...» На английском, разумеется.

О ТЕПЛОМ МЕСТЕЧКЕ И СЫНЕ-МАТЕМАТИКЕ

– Однажды моего сына спросили: «Твой папа играет в двух коллективах – «Воскресенье» и «Машине времени». Какой тебе больше нравится?» Он сказал: «Где папа играет, там и хорошо». Во всех командах, куда меня ветром забрасывало, было приятно работать. Это люди моего круга, и они, к счастью, пока не стали словочамаи.

Ну а моему сыну пока нравятся математика, английский и французский. Музыка для него как фон. У него есть музыкальный слух и чувство ритма, но он у меня «книжный червь», что очень хорошо. Может быть, я научу его играть на гитаре, когда лет в пятнадцать у него на голове будет оранжевый ирокез. Но пока ему двенадцать и никакого желания идти по моим стопам.